О БОГОСЛОВСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

И.Ю. Смирнова

Богословское наследие святителя Филарета, митрополита Московского, столь велико и разносторонне, что несмотря на обширную отечественную и зарубежную историографию, охватывающую различные его аспекты, остаются лакуны, требующие серьезного и фундаментального исследования. В их числе — такой важный предмет как пастырское богословие святителя. В своей диссертации, написанной полвека назад, митрополит Филарет (Вахромеев) задавался вопросом: «Почему среди обширной филаретики совсем мало упоминается о его пастырстве?»[1] и объяснял это необходимостью располагать «своеобразным материалом, который помог бы глубже проникнуть во внутренняя пастыря, проследить его собственное духовное возрастание, узнать те мысли и чувства, которыми он сам руководствовался на пути своего внутреннего делания и которые он предлагал для духовного врачевания своим пасомым»[2]. Таким материалом служат, в первую очередь, пастырские письма митрополита Филарета, представляющие значительную часть эпистолярного наследия святителя. В них не только запечатлен образ архипастыря, жившего непрестанной и напряженной заботой о Церкви, иерарха-администратора и церковного судии, но в какой-то мере приоткрывается и тот потаенный сердца человек, о котором при жизни Филарета догадывались лишь немногие, составлявшие узкий круг его доверенных лиц, как драгоценную святыню хранившие адресованные к ним письма святителя.

«Всюду единственный, везде неподражаемый святитель создал своими писаниями особый мир, неудобоосязаемый для обыкновенного ума»[3], - писал современник. Эти слова в полной мере можно отнести к письмам митрополита Филарета, в которых нашли отражение его миросозерцание, его богословские взгляды и прямое пастырское духовническое, попечение.

Сокровенная жизнь святителя Филарета - это постоянное возрастание в подвиге и молитвенном делании. Определяющее значение в формировании его личности имел период обучения в Троицкой лаврской семинарии, где, по словам прот. Георгия Флоровского, «не только упражняли ум, но прежде развивали сердце и пробуждали в нем "теплое благочестие" и кроткую чувствительность»[4]. Сохранился отзыв начальства о выпускнике этого «тихого лаврского приюта», Василии Дроздове: «Отличается исключительным смирением». Здесь, в семинарские годы у молодого богослова развивается потребность в уединении, аскетическая настроенность и стремление к духовной жизни. Уже тогда открылся в нем дар духовного рассуждения и утешения:

> «Любезный друг! — пишет он в 1805 г. бывшему однокашнику по Коломенскому духовному училищу. — Утешать ли мне тебя или плакать с тобою? Что я говорю? Я уже плакал о твоих несчастьях... Но позволь мне сказать тебе в духе пророка: твои слезы надобны для твоих радостей, твои несчастия — для твоего же счастия... Ожидай будущего, лишась настоящего, надейся, когда теряешь. Посмотри на прошедшую жизнь твою. Ты видел улыбку счастья, умей снести его суровый взор, по непостоянству счастья узнай, что и несчастье не бесконечно. Не забудь, что не один ты несчастлив. Если бы ты мог видеть вдруг все море всех человеческих бедствий...»[5].

В прошении, поданном митрополиту Платону (Левшину) в июле 1808 г., говорилось: «Обучаясь, а потом обучая под архипастырским Вашего Высокопреосвященства покровительством, я научился находить в учении удовольствие и пользу в уединении. Сие расположило меня к званию монашескому.

[1] Филарет (Вахромеев), митрополит. Пастырское дуптепопечительство Филарета, митрополита Московского (по его письмам). Свято-Троицкая Ссргиева Лавра (в дальнейтем - СТСЛ). Загорск, 1961. Т. I. (Машинопись). С. 12.
[2] Там же. С. 13.
[3] *Лавров-Платонов А. Ф.* Памяти Филарета, митрополита Московского // Душеполезное Чтение. 1868. Ч. 1. С. 27.
[4] Флоровский Г., прот. Филарет, митрополит Московский // Флоровский Г., прот. Христианство и цивилизация. СПб, 2005. С. 264.
[5] *Письмо В. М.* Дроздова священнику Г. Г. Пономареву от 20 октября 1805 г. // П,ит. по: Свт. Филарет Московский. Призовите Бога в помощь. М., 2008. С. 704-705.

Я тщательно испытал себя в сем расположении в течение почти пяти лет, проведенных мною в должности учительской»[1]. К этому времени Василий Дроздов сформировался как истинный инок, у которого «одна мысль - Бог; одно желание - наслаждаться Им; одно начало действования - Его любить; одна цель - угодить Ему; богомыслие - пища его, вечность - поле славы его, небо - сокровище его; с сей высоты духа низводит он взоры свои на свое внешнее состояние и мнимые блага»[2].

Изучение святоотеческих трудов Филарет не оставлял и в Петербурге, куда был вызван в 1809 г. Обращение к наследию святых отцов не только выражало его внутреннюю потребность, но служило также неисчерпаемым источником духовного ведения.

Отечественная война 1812г., перенесенные скорби и потрясения стали причиной духовной жажды в российском обществе. Переписка святителя со многими известными представителями столичной аристократии за светской учтивостью и церковно-литературным этикетом позволяет ощутить подлинность религиозного поиска, высокую настроенность на исполнение евангельских заповедей. И Филарет - с его даром слова, даром глубокого сопереживания - становится для многих наставником, направляющим к новому пониманию жизни по судьбам Божиим.

> «Со вниманием и с пастырским благоволением относился м<итрополит> Филарет ко всякому искреннему движению человеческого ума и сердца, - писал протоиерей Георгий Флоровский. - Под покровом мистических соблазнов Филарет сумел распознать живую религиозную потребность, жажду религиозного наставления и просвещения. Он распознал потребность русского общества в живом воцерковлснии всей жизни, в каких бы уродливых формах она ни проявлялась. И не обличение считал он нужным, но пастырское вразумление, проникнутое духом любви и исполняющееся положительным учительством»[3].

В 1821 г. архиепископ Филарет был назначен на Московскую кафедру, и новая паства обрела в его лице святителя-подвижника, который «при всем своем высоком положении в мире был в то же время и великим иноком, глубоко постигшим науку наук - духовно-нравственное усовершенствование»[4]. Филарет знал и ценил практику старческого окормления, был знаком со многими современными ему выдающимися старцами, такими как преп. Зосима (Верховский), Филарет (Пуляшкин), пустынножитель Свенской пустыни Арсений, Филарет (Данилевский), о чем находим упоминания в письмах. Как священно-архимандрит Троице-Сергиевой Лавры, архиепископ Филарет неоднократно обращался к наместнику, архимандриту Афанасию (Федорову), как позже и к архимандриту Антонию (Медведеву), с просьбой позаботиться о посещавших Лавру старцах: «Вручителя сего, отца строителя Глинской пустыни Филарета приимите братом и упокойте. Сим одолжите меня; и Вам, думаю, сие не в тягость будет; он старец добрый и внимательный к делу старчества»[5]. В другом письме просил: «Сего странника, Ивана Павловича, примите, отец наместник, как знакомого. Надеюсь, что Вы приятно побеседуете с ним о жизни монашеской, с которою он знакомее иного, носящего мантию»[6]. И снова: «Сие, отец наместник, вручит Вам пустынный монах о. Арсений, которого прошу принять и упокоить как брата и молитвенника»[7]. По этим кратким упоминаниям можно судить о духовном окружении святителя. Дух подлинного подвижничества, молитвы и воздержания, неустанный труд души в ее восхождении через покаяние к постоянному памятованию о Боге, к богомыслию и богообщению - все это нашло отражение в письмах святителя, адресованных к тем, кто искал его пастырского наставления. Как отметил в своей работе митрополит Филарет (Вахромеев), именно «в этой настроенности, в этой попечительности о своей душе нужно усматривать благодатный залог его великой пастырской попечительности о вверенной ему пастве»[8].

Среди тех, кто в трудных обстоятельствах искал и обретал у святителя необходимую поддержку, были представители разных званий и положения

[1] Цит. по: Иоанн (Снычсв), митрополит. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Тула, 1994. С. 52.
[2] Слово в день Рождества Богородицы (1806-1808) // Свт. Филарет, митрополит Московский. Слова и речи. Т. I. М., 2009. С. 38.
[3] Флоровский Г., прот. Указ. соч. С. 271.
[4] Правила благоустройства монашеских братств в Москве. М., 1917. / Предисловие. С. 7.
[5] Письмо от 18 августа 1823 г. // Письма Филарета, митрополита Московского, к наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Афанасию. М., 1886. С. 36.
[6] Письмо от 17 сентября 1823 г. / Там же. С. 44.
[7] Письмо от 10 января 1825 г. // Там же. С. 57.
[8] Филарет (Вахромеев), митрополит. Указ. соч. С. 50.

- иерархи и священство, настоятели и настоятельницы известных обителей, светские лица. Письма святителя Филарета делают нас свидетелями такой существенной стороны его деятельности как духовничество. И здесь мы встречаемся с удивительным феноменом - не в переписке с иерархами или монашествующей братией[1], а главным образом в переписке с женщинами митрополит Филарет предстает не только как умудренный духовный руководитель и наставник, как аскет и молитвенник, но исполненный любви духовный отец и старец. Возможно, это объясняется особой открытостью, доверием и преданностью, которую имели к архипастырю его постоянные корреспондентки - представительницы как светского, так и духовного звания.

Здесь надо отметить, что эпоха Филарета характеризовалось широким развитием русского монашества - и прежде всего монашества женского. За время пребывания на Московской кафедре (1821-1867) святителем было основано пять женских монастырей, отличавшихся строгим общежительным уставом, в том числе - Борисо-Глебская Аносина пустынь («Женская Оптина»), Троице-Одигитриева Зосимова пустынь, Спасо-Бородинский монастырь. Их основательницами и настоятельницами были женщины не только высокой духовной жизни, но и широкой светской образованности и культуры, как правило, родом из знатных семейств - игумений Евгения (в миру княгиня Мещерская), вдова павшего на Бородинском поле генерала Мария (Тучкова), Митрофания (баронесса Розен) и др. Их знакомство со святителем почти во всех случаях состоялось задолго до вступления в духовное звание. Но далеко не всегда духовные искания представительниц российской знати приводили их в монастырь. История церковной жизни Москвы и Петербурга знает целый ряд знатных аристократок, которые, оставаясь матерями семейств, законодательницами салонов, были в то же время молитвенницами, подвижницами, благотворительницами. И на протяжении многих лет, порой - десятилетий, святитель Филарет, не делая различия между светскими и духовными, фактически осуществлял их духовное руководство, направляя, вразумляя, утешая в скорбях, научая жизни во Христе.

При том, отвечая на письма и тонко разбирая обращенные к нему вопросы, святитель не брал на себя роль духовного отца в традиционном понимании или тем паче духовника, обязанность которого *решать* и *вязать*. В одном из первых писем к Екатерине Владимировне Новосильцевой, переписка с которой относится к наиболее содержательным, в ответ на просьбу о духовном руководстве, святитель писал:

> «...Душе, если она не совсем погружена в духовное бесчувствие, столь естественно стремление к Богу, что, видя другую душу на сем пути, она пробуждается и воскриляется, и в сем случае неприметно может быть исполнено сказанное: *аще кто поймет тя по силе поприще едино, иди с ним два**. По сей заповеди не в тягость мне идти с Вами по тому поприщу, по которому частию заставили Вы уже меня идти мысленно в письме Вашем: и о, если бы Тот, Который есть *путь, истина* и *жизнь,* даровал мне благодать усмотреть и сказать Вам иногда, где стезя вернее, или шествие надежнее! Но, простите меня, что я ограничусь выше приведенною заповедию и не решусь выступить вперед, чтобы стать вождем. Общая и необходимая обязанность моя столько превышает всякую меру мою, что несовместно было бы принимать на себя произвольно частные обязанности, коих исполнение требует постоянного внимания. Тот, без Которого никто не приходит к Отцу, да будет Вождем Вашим, как и есть, верно — хотя невидимо! Впрочем, я готов во всяком случае сказать Вам волю Божию, когда Вы того потребуете и когда мне то, по вере Вашей, дано будет»[2].

И в дальнейшем, несмотря на то, что Новосильцева на протяжении несколько десятилетий находилась под постоянным духовным водительством святителя, он неоднократно давал ей советы о правильном отношении к духовнику: «Лучший духовный отец есть тот, кого принимают с верою, как орудие Божие»; или: «Суждению духовного отца надобно покоряться с верою. С послушанием веры и лишение полезно, как дар», и по другому случаю: «Разрешение Вам приступить завтра к трапезе Господней принадлежит Вашему духовному отцу». Не отказывая в духовном совете, святитель в то же время призывал к послушанию: «В деле духовном надобно остерегаться угождений человеческих: а повиноваться полезнее, нежели противное сему».

[1] Мы не имеем в виду здесь переписку с архимандритом Антонием (Медведевым), имевшую особый характер в силу их личных и служебных отношений.

*Ср.:Мф.5, 41.

[2] Письмо от 13 ноября 1822 г. // Письма к Е. В. Новосильцевой цит. по изд.: Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к Е. В. Новосильцевой. М., 1911.

Непреходящая ценность писем Филарета заключается в том, что в них нашли выражение многие положения его богословского видения, той «целостной системы богословского созерцания», о которой писал отец Георгий Флоровский, отмечавший вместе с тем ее недосказанность, отрывочность и незавершенность в силу того, что Филарет имел возможность «богословствовать только по случаю, почти исключительно с церковного амвона, да еще в частных письмах»[1]. Тот «пафос богословской свободы и творчества», который, по словам о. Георгия, был присущ церковной мысли Филарета, святитель распространял и на свою аудиторию, вне зависимости от того, обращался он к ней в словах письма или проповеди. Для него было важно духовное соработничество, стремление к неусыпному напряженному постижению христианского учения, равноценный мысленный диалог. «Останавливаюсь и слушаю, что мне ответствует ваша совесть, что говорит ваше сердце»[2], - обращался он к своей пастве.

> «Не об естественной мысли говорил он, - пишет о. Георгий Флоровский, - но о мысли верующей и христианской, закаленной смирением, освященной молитвою, укрепленной в Слове Божием и опыте церковном. Но при этом мысль не должна засыпать, но обновляться, окрыляться, и в познании петь Бога. <...> И при всем том призывал к размышлению и познаванию, ибо только в творческом делании, а не в пугливой уклончивости побеждаются и исцеляются соблазны»[3].

Высокой мере предъявленных святителем требований в полной мере соответствовали его духовные собеседницы. Неудивительно поэтому, что в письмах к ним митрополит Филарет затрагивает важнейшие положения православной аскетики, пронизанной светом Евангельского учения, которое являлось для святителя фундаментом его богословия и миросозерцания: «В каждой черте Слова Божия скрывается свет, в каждом звуке — премудрость»[4]. «Убежденный и последовательный библеист в богословии»[5], святитель и в письмах, и в проповедях опирается на Священное Писание: «Господи! Не деяния Твои мы истязуем, но Премудрости Твоей спасительной научиться желаем. Не постави нам в вину испытания Писаний и даруй благодать разумения»[6]. В одном из писем к другу своей юности он писал:

> Брат о Господе! поручайте себя Ему всем сердцем со всеми своими заботами. Не слышите ли, как решительно Слово Его велит нам возверзнуть на Него печаль свою? Аще живем, аще умираем, Господни есмы. Как же не Господни и тогда, когда страждем? Не излишнее ли будет, если скажу еще нечто? — Иные от скуки берут книгу и, погрузясь в ее предмет, забывают все прочее. Если такую силу имеет слово человеческое: то какую Слово Божие? В тихий, наипаче утренний час, погружайте в него не изыскательный ум, но преданное сердце, желающее в спокойствии наслаждаться истиною и Любовью Бога своего. Знающие говорят, что из сего источника льются всецелебные силы и неизреченные утешения, если упражнение сие бывает постоянно и соединено с наблюдением, чтобы слово, почерпнутое сердцем, не уронить поступками. Или я пустословлю, говоря Вам о том, что Вы лучше меня знаете? Простите меня за сие»[7].

Святитель в своих письмах неизменно призывает к внимательному ежедневному чтению Евангелия: «Мысленное и сердечное употребление изречений Священного Писания в разных случаях, дабы поставить себя в присутствие Божие и сохранить или восстановить спокойствие духа, есть дело доброе и могущее принести плод». Под плодами, как можно видеть из других писем, понимается «утешение созерцать Христа в чистом евангельском слове»[8]. «Если видите пути к блаженству в словах Господа, идите по сим путям; и тогда никуда бежать не нужно» - писал он Екатерине Сергеевне Наумовой[9].

Стержнем нравственного богословия московского святителя были апостольские слова: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?»[10] Слова апостола Павла, как и близкого Филарету св. Григория Богослова - «Непрестанно

[1] Мысли, писанные двустишиями // Свт. Григорий Богослов. Таинственные песнопения. М., 2000. С. 187.
[2] Беседа о благодарности Богу // Свт. Филарет, митрополит Московский. Слова и рсш. СТСЛ. 2009. Т. III. С. 155.
[3] Флоровский Г., прот. Указ. соч. С. 268.
[4] Слово по освящении храма Преображения Господня, что на Ордынке. 20 сентября 1836 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. Т. II. С. 501.
[5] Флоровский Г., прот. Указ. соч. С.269.
[6] Слово в день Рождества Пресвятой Богородицы. 8 сентября 1828 г. // Там же. С. 241.
[7] Письмо к свящ. Г. Г. Пономареву от 15 мая 1816 г. // Московские церковные ведомости. 1907. № 49. С. 1514.
[8] Письмо к Е. П. Головиной от 18 сент. 1863 г. // Русский Архив. М, 1883. Кн. 1 (1). С. 220.
[9] Письмо к Е. С. Наумовой от 9 августа 1846 г. Письма к Е. С. Наумовой цит. по изд.: Письма митрополита Московского Филарета, хранящиеся в собрании автографов Императорской публичной библиотеки. СПб, 1891.
[10] Кор. 3:16-17.

созидай ум свой в храм Богу, чтобы внутри своего сердца иметь невещественную опору - Царя»[1], - или его же слова о «создании внутрь сердца невещественного храма»[2], были главным правилом московского архипастыря. «Желаю, чтобы пустынь ваша, - писал он игумений Марии (Тучковой), - была не изысканным устройством красна, но благоугодна Богу простотою и чистотою Божией, тихим безмолвным житием»[3]. «Не надобно засматриваться на живущих в жилищах благолепных и великолепных, надобно чаще вглядываться на живших в пещерах и в хижинах. Пусть будут, какие случатся, рукотворенные храмины: забота о том, чтобы в них обрелись помещенными нерукотворенные храмы Божий. В сей заботе желаю Вам совершенного успеха»[4]. И в другом месте: «С терпением желаю, чтобы обитель Ваша имела пространный храм; а более желаю, чтобы Вы, пребывающие в ней, были церкви Бога жива, и Дух Божий жил в Вас, по слову Писания»[5].

В письмах святитель не прекращает свой пастырский труд по созиданию нового человека во Христе - пишет о духовном трезвении, постоянном бодрствовании, умном делании, напоминая что «памятование о Боге, сердечная к Нему молитва, искание во всем Его воли есть главное во всем и врачество всему»[6].

> «Себе и Вам говорю, - обращается он к Е. В. Новосильцевой, - надобно возбуждать себя от лености, прилежать к духовному деланию внутреннего человека, внимать себе, чтобы случаи добра не проходили мимо, и чтобы суета не входила в сердце. Занятие земным делает хладным сердце к небесному. Отторгнем сердце наше от мира и, если оно еще не окрилено, чтобы устремиться прямо на небо, понесем оное на Голгофу, положим к стопам страждущего за нас Господа; если бы оно и каменное было, там и камение распадается, от сострадания твари Творцу, страждущему за грехи наши. Кровь Христова да очищает Вас от всякого греха, да оживляет вечною жизнию, предвкушаемою в радости помилования и прощения»[7].

Для изнемогавших в духовной брани у святителя всегда находится слово подкрепления и утешения.

> «Не надобно унывать, что брань продолжается; но надобно взирать на вождя, - на Господа Иисуса, следовать за Ним, при Его помощи употреблять внимательно Им подаваемое оружие и силу, или даже немощь употреблять как оружие, замечать откуда и как нападает враг и смотря по тому брать предосторожности, не полагаться на частную победу и не дремать после нее. Вождь видит, когда изнемогаем не от нашего нерадения и не отчаиваемся при отчаянном нападении врага; и по сему усмотрению подает дивную помощь, возвышает победу, украшает венец»[8].

«Не унывайте и не давайте радости врагу душ, - пишет митрополит Новосильцевой. - Он хочет унынием ослабить и остановить душу в ее пути. Бог хощет терпения и надежды, если подвергает душу лишению для ее испытания и очищения»[9]. И спустя некоторое время вновь предлагает целебный совет: «Хороший начальник корабля не только при тихом ветре хорошо распоряжает, но и в бурю не теряет твердости и присутствия духа. Подобного, при помощи Божией, надлежит достигать и при управлении кораблем души, чтобы бури искушений и волны житейские не вредили ему»[10].

Основные положения христианской аскетики выражены в письмах Филарета лаконичными, но проникновенными формулами: «Надобно смиряться и всемерно отлагать свою волю, чтобы оградить душу тишиною чистоты», - писал святитель Е.В. Новосильцевой[11] и предупреждал: «Смирение, которое человек устрояет себе одним своим размышлением, не так глубоко и твердо, как то, которое устрояется в человеке находящими судьбами Божиими»[12].

Духовная поэзия в прозе, столь характерная для московского святителя, рассеянна по его проповедям и письмам «бриллиантовыми камушками, которые должны лежать в основании Сионской крепости»,

[1] Мысли, писанные двустишиями // Свт. Григорий Богослов. Таинственные песнопения. М., 2000. С. 187.
[2] Сон о храме Анастасии, который Григорием устроен был в Константинополе // Там же. С. 170.
[3] Письмо от 12 июня 1832 г. Письма к М.М. Тучковой цит. по изд.: Письма святителя Филарета Московского к игумений Марии (Тучковой). Спасо-Бородинский монастырь, 2003.
[4] Письмо к игумений Марии (Тучковой) от 14 марта 1845 г.
[5] Письмо к игумений Марии (Тучковой) от 31 мая 1849 г.
[6] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 13 сентября 1843 г.
[7] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 13 сентября 1841 г.
[8] Письмо к Е. С. Герард. Без даты [1835-1836].//Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1873. IV. С. 80.
[9] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 26 февраля 1846 г.
[10] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 23 ноября 1846 г.
[11] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 13 сентября 1836 г.
[12] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 13 марта 1846 г.

по образному выражению одного из современников. В одухотворенные поэтические образы облекает он наставление о смирении, предлагаемое духовному другу и ученику поэту и писателю А. Н. Муравьеву:

> «Одно смирение может водворить в душе мир. Душа не смиренная, непрестанно порываемая и волнуемая страстями, мрачна и смутна, как хаос: утвердите силу ее в средоточии смирения; тогда только начнет являться в ней истинный свет, и образоваться стройный мир правых помыслов и чувствований. - Гордое мудрование, с умствованиями, извлеченными из земной природы, восходит в душе как туман, с призраками слабого света: дайте туману сему упасть в долину смирения; тогда только вы можете увидеть над собою чистое высокое небо. Движением и шумом надменных, и от того всегда беспокойных мыслей, и страстных желаний, душа оглушает сама себя: дайте ей утихнуть в смирении: тогда только будет она способна вслушаться в гармонию природы, еще не до конца расстроенную нынешним человеком, и услышать в ней созвучия, достойные премудрости Божией. Так, в глубокой тишине ночи, бывают чутки и тонки отдаленные звуки»[1].

Но прежде всего святитель Филарет, который принадлежал к традиции умного делания[2] и, по словам епископа Леонида (Краснопевкова), сам «проходил подвиг непрестанной молитвы»[3], учил своих духовных учениц нерассеянному богопредстоянию, поклонению Богу в духе и истине (Ин. 4, 23, 24). «Внутренняя молитва, - пишет он Новосильцевой, - есть сокровище, сокровенное на селе, для приобретения которого можно и надобно продать все не внутреннее, то есть оставить все, что развлекает и препятствует углублению в основание души и вступлению в благодатное общение с Богом»[4]. «Что значит человек подле нас, когда мы стоим пред Богом? - вопрошает он в другом письме. - Да зрит же сердце наше к Богу, не озираясь на человека, что бы он ни делал близ нас. И да будет внутреннее делание молитвы сильнее всего, что действует на нас отвне. Если не так происходит с нами, смирим себя, и осудим пред Богом, и повергнем пред Ним себя со всеми нашими способностями, мыслями и чувствованиями, приводя все в безмолвие пред Ним»[5]. «На бездействие ума, может быть, не слишком нужно жаловаться. Пусть он молчит и слушает, как сердце взывает к Богу, сердце да дает и уму движение к Богу»[6], - пишет он игумений Марии.

В своих письмах святитель Филарет, исполненный желания помочь в преодолении невнимательности в молитве, называет главные правила молитвенного предстояния - «стараться быть в молитве постоянну и неколеблему нечаянностями, но также надобно в ней быть тиху и смиренну и не давать дерзновения воображению»[7]; «стараться, чтобы молитва совершалась в мире и с полным неразвлеченным вниманием»[8]; «не скоро простираться в молитве, но на немногом останавливать внимание и давать душе вкусить обретаемое, прежде нежели перейдет к дальнейшему»[9]. При отвлечении в молитве советует: «Просто со смирением приносите покаяние в несовершенстве молитвы или в нарушении порядка оной, и старайтесь загладить случившееся вниманием впредь к молитве и порядку ее»[10], или в другом месте: «Хорошо усмотренное невнимание в молитве исправлять повторением молитвы, и еще лучше упостоянить внимание»[11]. Анализируя причины рассеянности, показывает, над чем следует особенно старательно работать: «Отцы говорят, что грехи невольные происходят от вольных. Потому, посторонние мысли в молитве не суть ли следствия того, что в другое время пристрастно занимаемся помыслами о земном? Очистим себя от пристрастий, и очистится молитва от развлечения»[12].

Возвышенной и вдохновенной настроенностью отличались наставления святителя, в которых говорилось о молитве Господней и молитве Иисусо-

[1] Письмо от 27 января 1839 г. // Свт. Филарет. Письма к А.Н.М. Киев, 1869. С. 112.
[2] См.: *Концевич И. М.* Оптина пустынь и се время. Джорданвилль, 1970. С. 131-163; Иларион (Алфеев), митр. Священная тайна Церкви. СПб, 2007. С. 231-247.
[3] Леонид (Краснопсвков), архиепископ. Слово на освящение храма во имя св. прав. Филарета Милостивого в Серпуховском Владычнем монастыре, произнесенное 1 декабря 1867 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. М. 2009. Т. IV С. 420.
[4] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 22 апреля 1837 г.
[5] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 14 июля 1846 г.
[6] Письмо к игумений Марии (Тучковой) от 18 августа 1845 г.
[7] Письмо к Е. С. Наумовой от 27 февраля 1847 г.
[8] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 17 апреля 1829 г.
[9] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 24 декабря 1831 г.
[10] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 14 августа 1839 г.
[11] Письмок Е. В. Новосильцевой от 13 сентября 1847 г.
[12] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 17 февраля 1833 г.

вой. «Молитва Господня, - писал он Тучковой, впоследствии игумений Марии, — есть крайняя высота священного восторга, бесконечная для созерцания, неисчерпаемое сокровище надежд христианских. Благодать Господа да сподобит нас не лишиться причастия благ, которые оною всем нам испрошены»[1]. И в проповедях, и в письмах Филарет напоминает о необходимости «частого и, поколику можно, непрестанного призывания Божественного имени» Иисуса Христа[2]. При этом отметим, что ни в проповедях, ни в письмах святитель не употребляет понятие молитвы Иисусовой в узком терминологическом смысле, но письма его полны призывов к молитвенному деланию, осененному благословением и дыханием имени Иисусова. Лейтмотивом филаретовских писем является «молитва, благоухающая именем Его. Миро бо излиянное Имя Его (Песн. 1, 2)»[3]. В письмах к Варваре Михайловне Нарышкиной, сестре Тучковой, святитель с заметным постоянством обращается к этой молитве, указывая на ее первостепенную важность: «Да откроет Вам Господь в сердце книгу молитвы, к которой внешние книги суть приготовление и руководство, и которая одна родила все внешние молитвенные книги чрез уста святых, а открывается она именем Господа Иисуса. Прилагайте к сердцу сей ключ, которым отверзается Царствие Божие, сущее внутрь: прилагайте часто и просто, — толкущему отверзается»[4].

«Да будет благословенно имя Господа Иисуса, пища и оружие, и сладость душ не чуждых любви Его! - пишет он в другом письме. - Да будет оно всегда к Вам близко, всегда с Вами, да будет оно Вашею непрерывною беседою и неразлучным собеседованием!»[5] «Утишайте душу кротким дыханием имени Иисусова, а порывистые ветры беспокойных и не постоянных мыслей останавливайте и удаляйте; и тогда, может быть, обратно состояние духа будет действовать на состояние тела»[6].

Княгине Е. Р. Вяземской святитель писал: «Если болезнь нарушает видимый порядок духовных упражнений, не надобно сетовать много, а стараться не упустить возможного, то есть, сердцем предстоять Господу, или повергаться пред Ним. И за лишение беседы с добрыми людьми с избытком наградить может беседа с Ним. Не будем однако и докучливы. Положите пред Ним скорби и страдания Ваши: и взирайте к Нему, иногда с молчащею мыслию, а иногда с именем Его»[7].

«Человек не сотворил своего сердца, - пишет святитель Е. С. Наумовой, - потому не он и перетворить его может. Не надобно самому свое сердце терзать: но, с признанием своего недостоинства и немощи, положить оное при подножии Креста Христова и тихо, но прилежно молиться: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*[8]. Надобно утишать волнение души и шум мыслей призыванием имени Иисусова кротким и мирным. *Плод правды сеется в мире творящим мир* (Иак. 3,18)[9].

Вставшим на путь молитвенного делания, чтобы предостеречь их от невольного превозношения, святитель напоминает евангельскую заповедь: *когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне,* (Мф. 6, 6): «Да поможет Вам Господь входить во внутреннюю клеть молитвы так, чтобы внешнее оставалось за дверьми, не вторгаясь и не увлекая Вас»[10]. «Без нужды не должно говорить о своих духовных упражнениях, - пишет он Новосильцевой. - Но гордиться есть ли чем, хотя и скажем о наших упражнениях? Спаситель в саду Гефсиманском молился до кровавого пота: вот молитва напряженная! Молясь на Фаворе, Он просветился даже до одежды: вот молитва благодатно действенная! Апостол учит быть в молитве непрестанно. Если с сими образцами сравним наши молитвенные упражнения: то, думаю, не гордиться, а сокрушаться надобно, что мы от них так неизмеримо далеки»[11].

«Иметь молитву огненную, - писал митрополит Филарет к Е. В. Новосильцевой, - едва ли от нас зависит. Огнь чистый в очищенные души вовремя приходит Христос. Благость Его воспламеняет сердце, как говорят апостолы: *не сердце ли наю горя*

[1] Письмо к игумений Марии (Тучковой) от 15 мая 1827 г.

[2] Слово по освящении храма святителя и чудотворца Николая в городе Бронницах. Произнесено 8 июля 1847 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. М. 2009. Т. III. С. 366.

[3] Письмо к игумений Марии (Тучковой) от 3 апреля 1844 г.

[4] Душеполезное чтение. 1868. Ч. 1. С. 213.

[5] Письмо к В. М. Нарышкиной. Без даты // Душеполезное чтение. 1868. Ч. 1. С. 139.

[6] Письмо к В. М. Нарышкиной. Без даты // Там же.

[7] Письмо к княгине Е. Р. Вяземской от 30 января 1823 г. // Там же. С.54.

[8] Пс.50:12.

[9] Письмо к Е. С. Наумовой от 9 января 1848 г.

[10] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 26 февраля 1843 г.

[11] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 1 января 1823 г.

бе в паю, когда Он был близ них, не быв узнан. Нам надобно молиться так, как велит Церковь: миром Господу помолимся»[1]. Но охлаждая излишнее духовное рвение, он в то же время поощряет к более углубленному вниманию в предстоянии пред Господом: «Если испытываем некоторое благоприятное действие внутренней молитвы: то из опыта должно взять наставление, чтобы стараться более успевать во внутренней молитве, дабы ее действие было еще более благотворно. Дух Господень да ходатайствует за Вас воздыханьми внутренними, неизглаголанными»[2]. Спустя несколько лет он вновь повторит: «Кто вкусил во внутренней молитве, яко благ Господь: тот получил благое призвание к упражнению в сей молитве, и да последует сему призванию»[3].

Вместе с тем святитель говорит о предании себя в руки Божий, о послушании Божественному Промыслу, от которого единственно зависит раздаяние духовных благ: «Не только естественные состояния переходят из одного вида в другой, но и благодатные восходят по дару Божию и нисходят по устроению Божию, да смиряется человек»[4].

Встречаются в письмах и такие контексты, которые явственно свидетельствуют о том, что с некоторыми из своих корреспондентов святитель Филарет считал возможным говорить в терминах высших молитвенных состояний. О благодатной силе Святого Духа, «без коей мы нищие, без коей все усилия наши тщетны», в одном из писем, сохранившемся лишь в списке, говорится следующее:

> «Когда сия верховная сила приосенит нас, тогда мы парим в выспренняя... Внимай благодати, тебе данной, и живи по ее управлению; тогда пребудет с тобою неотлучно божественный Дух Иисуса Христа, просвещающий и освещающий всякого человека, грядущего в мир, и ты не будешь иметь нужды ни в каких человеческих сообществах, ни в каком утешении. Он приносит Своим избранным сладостные излияния благодати, несказанные внутренние наслаждения; Он изгоняет пороки и страсти, отъемлет искушения и все тягости; Он дарует мир телу и душе, но часто однако же для пользы Он попускает противное, да очистит веру нашу, как злато очищается огнем»[5].

Чтобы не оказаться неспособными к восприятию высших благодатных даров, по словам митрополита Филарета, «нам должно тщательно приготовлять себя и не быть взыскательными, <...> потому что нетерпеливая взыскательность есть признак недовольной готовности», поскольку «око созерцания открывает благодать, когда видит, что душа подвигом и очищением довольно к тому приготовлена, и предвидит, что дар будет храним и благоупотреблен в смирении»[6]. «Ум, отрешенный от страстей, - пишет он в другом письме, - найдет путь к созерцанию и к чистой молитве, при посильном и всегдашнем упражнении в молитве, какую можем совершать»[7].

Мысль, к которой неоднократно обращался святитель как в гомилетике, так и в переписке, — противопоставление смиренного христианского ожидания и дерзновенной жажды божественных откровений. Уже в одной из ранних проповедей, произнесенных в Троице-Сергиевой Лавре, он вопрошал: «Для чего столь наглым любопытством хотеть раздрать завесу непроницаемых судеб?»[8] Но и спустя годы не уставал предостерегать: «Не испытывайте тайн Солнца духов, не требуйте отчета в действиях благодати Отца светов»[9]. «Не должно быть нам дерзновенными в испытании тайн Его, - пишет он Новосильцевой. - Довольно, если разрешаются сомнения, и открывается то, что нужно нам в руководство ко спасению. Любопытство близко к гордости: кротким открываются тайны!»[10] «Любопытство, обращенное к духовному миру, также не есть хорошее состояние, как и обращенное к предметам здешнего мира. Любопытствующий мучится и не удовлетворяется; и от него таятся более, нежели от того, кто менее любопытствует»[11]. В письме к А. Н. Муравьеву митрополит Филарет рассуждал: «Есть такие люди, которые силою воли сделали, так сказать, пролом в духовный мир, или думают, что сделали и стараются удержать его открытым. На-

[1] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 17 апреля 1829 г.
[2] Там же.
[3] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 21 февраля 1836 г.
[4] Письмо к игумений Марии (Тучковой) от 5 марта 1841 г.
[5] Чтения в обществе любителей духовного просвещения. Ноябрь 1876. С. 152-153. Текст письма имеет надписание «О внутреннем обращении с Иисусом Христом», которое, по утверждению издателей, принадлежит самому святителю.
[6] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 13 сентября 1844 г.
[7] Письмо к Е. С. Наумовой от 26 ноября 1846 г.
[8] Слово в Великий Пяток 1806 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. М. 2009. Т. I. С. 34.
[9] Слово по освящении Богородице-Рождественского храма, что в Столешниках. Произнесено 29 ноября 1842 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. М. 2009. Т. III. С. 144.
[10] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 9 апреля 1823 г.
[11] Письмо к Е. В. Новосильцевой от 17 февраля 1833 г.

добно ли? В порядке ли? Не скромнее ли остаться в ожидании и надежде пред затворенными вратами града, - в ожидании когда отверзет их *имеяй ключ Давидов?»*[2]. «Часто признак есть гордости - желать откровения; убегай сего; считай себя лучше недостойной божественных утешений: сие угоднее Богу, нежели испытание таинств небесных. В простоте сердца молись лучше с пророком Давидом: *Господи, к Тебе прибегох, научи мя творити волю Твою»*[3].

В том же письме, известном под названием «О внутреннем обращении с Иисусом Христом» и служащим в некотором роде руководством к пониманию отеческого созерцательного богословия, святитель пишет о необходимости внутреннего уединения для достижения совершенного богообщения:

> «Кто ищет соединения с Богом, тот должен любить сердечное уединение. Оно несравненно полезнее и возвышеннее, нежели уединение телесное. Сердечное уединение сохраняет внутреннего человека в чистоте от пороков и ограждает от искушений. <...> Кто хранит сердечное уединение, тот среди самых внешних трудов и упражнений не престает внутренно быть в молитве, а потому и в Боге. Если же иногда и подвергается развлечению, то скоро опять возвращается в себя. Чем внешние чувства более преграждены и внимание души соединено во внутренность ее, тем дух свободнее и к божественному умозрению способнее».

В целом, знакомясь с наставлениями святителя по его письмам, нельзя не согласиться с отцом Георгием Флоровским, что несмотря на то, что «у Филарета мы не найдем связной <богословской> системы», тем не менее, «у него мы найдем нечто большее - единство живого опыта, глубину умного созерцания, "тайные посещения Духа"»[4].

Как же воспринимались духовные наставления и советы московского архипастыря и можно ли говорить о его духовном руководстве в традиционном смысле православного духовничества и старчества? Для ответа на этот вопрос обратимся прежде всего к свидетельствам людей, находившихся под духовным водительством святителя.

Видевшие его и беседовавшие с ним отмечали «какое-то особое успокоение духа - что-то совершенное, законченное, глубоко мирное было в самом облике его, в речах, словах, в движениях»[5]. То же чувство духовного умиротворения оставляли его письма. «Когда прочитываешь письма святителя Филарета к светским лицам, - отмечает митрополит Филарет (Вахромеев), - то невольно представляешь себе образ богомудрого старца-утешителя. Именно утешение, умирение внутреннего человека, взволнованного различными житейскими обстоятельствами, характерно для пастырского облика святителя Филарета»[6].

А. С. Пушкин, в заключение известной стихотворной переклички с митрополитом посвятивший митрополиту стихотворение «В часы забав и праздной скуки», говорит о благодатном воздействии на его смущенную душу пастырской поэзии московского владыки:

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты[7].

Игумения Мария (Тучкова) в своей переписке прямо называла святителя духовным отцом. «Друг мой Палладия! - писала она к монахине Спасо-Бородинского монастыря Палладии, побывавшей у митрополита. - Жду с нетерпением от тебя письма, с трепетным сердцем опасаясь, не прогневала ли я отца. Впрочем, одно слово от него насчет восстающей бури помыслов, и утихнет она... Нужна его отеческая помощь, его слово. Я передала ему волнение помысла и теперь жду, *да накажет мя праведник милостию и обличит мя»*[1]. В другом письме к Палладии игумения пишет: «Я бы желала, чтоб отец наш, благодетель души моей, наложил на меня епитимию. Я могу сделаться несносною, если меня не смирит владыка»[8].

Но, пожалуй, самые проникновенные слова о духовном отцовстве митрополита Филарета при-

[1] Письмо к А. Н. Муравьеву от 31 августа 1835 г. // Свт. Филарет. Письма к А.Н.М. Киев, 1869. С. 51.
[2] Чтения в обществе любителей духовного просвещения. Ноябрь 1876. С. 152-153.
[3] Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 182.
[4] *Поселянин Е.* На молитве в тишине и бурс. Петроград, 1916. С. 166.
[5] Филарет (Вахромеев), митрополит. Указ. соч. С. 97.
[6] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 3. М., 1957. С. 165. Подробнее об этом см., например: Антоний (Храповицкий), митр. Пушкин как нравственная личность и православный христианин / Митрополит Антоний о Пушкине. М., 1991.
[7] Цит. по: Письма святителя Филарета Московского к игумений Марии (Тучковой). Спасо-Бородинский монастырь, 2003. С. 25
[8] Там же.

надлежат архимандриту Антонию (Медведеву). Духовный наставник Троице-Сергиевой Лавры и принадлежавших ей скитов, благочинный ряда московских, в том числе женских, обителей, строгий исполнитель заветов преподобного Серафима Саровского, Антоний видел в святителе не только духовного отца, но и старца, на что святитель ответил: «Смирением Вашим наименованный старец видит себя таким по ветхости дней; а чтобы в сей ветхости обрелось нечто от нового человека и чтобы не чуждым быть истинной седины, которая есть мудрость, о том просит споспешествующих молитв Ваших»[1]. После кончины святителя архимандрит Антоний, чувствуя свое сиротство, писал близким: «Я лишен в смерти его не только отца, но друга и покровителя»; и в другом письме: «Скорбь моя о лишении отца, и друга, и владыки тяжело легла во мне. Если бы можно, ушел бы в пустынную келлию, устранясь от дел и людей. Не знаю, что будет далее, <...> но отца для меня по Боге в настоящей жизни нет и не будет»[2]. В июле 1869 г. архимандрит Антоний, в беседе с игуменией Евгенией (Озеровой), рассказывая:

> «Любил он меня как сына, не скрывал от меня своих светлых мыслей; а между тем я чувствовал пред ним великий страх и благоговение. "Отчего, - однажды спросил я его, - я Вас боюсь до того, что, входя к Вам, всегда прочитываю молитву *Отче наш* и призываю святого Ангела-хранителя, чтобы словам моим не нарушить мира Вашего? Отчего этот страх и благоговение?" - "Это твое добро, а моего ничего нет", - отвечал он. Святитель всегда даже до излишества видел все доброе в ближнем; ему все казалось великим подвигом в других, свое же великое он не только не примечал, но даже и не постигал, что оно может быть в нем»[3].

А. Н. Муравьев, издавая адресованные к нему письма митрополита Филарета, подчеркивал, что в них «есть одна разительная черта, которая выше красоты слога: это теплая душа и горячее сердце, проглядывающие почти в каждой строке, тогда как его часто упрекали в совершенной холодности и преобладании ума над сердцем. - Здесь же напротив они идут рядом, и даже часто преобладает сердце, и все это проникнуто самым пламенным чувством веры и любви к Церкви. Если где-либо, то здесь тем более отражается его неукоризненное Православие. <...> Сколько тут отеческой заботливости <...> и не только в вещественном отношении, но и в духовном, <...> сколько любви»[4].

О великой любви, которую стяжал святитель в течение своей жизни и которая распространялась им на всю Церковь Христову, говорил и епископ Леонид (Краснопевков) в проповеди, произнесенной им 1 декабря 1867 г., в день тезоименитства только что почившего святителя: «Забота о каждой душе, ему вверенной, или вверявшей ему себя, и забота о всех Церквах лежала на раменах его. <...> [Он] видел человека, с его бессмертною душею, с целию его жизни по сю и по ту сторону гроба. Высокопарный орел в богословских созерцаниях, он был опытный мудрец в делах жизни земной»[5]. Ту же мысль высказывал в своей работе и Патриарх Алексий I (Симанский), отмечавший, что в своих письмах московский святитель «является прежде всего мужем духовного делания, созерцателем тайн Божиих в проявлениях духовного мира, приемлемых им со смиренною верою древних святых отцов, которые столь часто удостаивались непосредственного проявления благодати Божией»[6].

Пастырские письма митрополита Филарета с их *неукоризненным Православием,* содержат основные положения пастырского богословия как части его богословской системы и потому, как писал тезоименитый святителю архипастырь, представляют «большой интерес для изучения нашей отечественной богословской мысли»[7]. Являя глубокую укорененность святителя в святоотеческой духовной традиции и служа как бы органичным ее продолжением, они позволяют приобщиться к живому духовному опыту избранника Божия, соприкасают «с благодатью, сиявшей необыкновенным, изумительным блеском во всей личности московского первоиерарха»[9], который, по провидческому замечанию Патриарха Алексия, «освещал путь в свое время; он же силен освещать путь и дальнейших времен»[10].

© Смирнова И.Ю., 2011

[1] Письмо от 27 марта 1855 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831-1867. СТСЛ, 2007. Ч. 2. С. 312.

[2] Цит. по: Казанский П. С. Очерки жизни архимандрита Антония // Православное обозрение. 1878. Т. 2. Декабрь. С. 725.

[3] Памятные записки игумений Евгении (Озеровой) // Женская Оптина. М., 2005. С. 182.

[4] *Муравьев А. Н.* Предисловие // Свт. Филарет, митрополит Московский. Письма к А.Н.М. Киев, 1869. С. 7.

[5] Леонид (Краснопевков), архиепископ. Слово на освящение храма во имя св. прав. Филарета Милостивого в Серпуховском Владычнем монастыре, произнесенное 1 декабря 1867 г. // Свт. Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи. М. 2007. Т. IV. С. 420-421.

[6] Алексий 1 (Симанский), Патриарх Московский и всея Руси. Митрополит Филарет о господствующих в современном нравственно-правовом сознании порядках. СТСЛ, 2005. С. 36-37.

[7] Там же.